

...Над полями тихо реял золотой свет заката. От сопок тянулись тени, перебегая прибитую вчерашним дождем дорогу. В полях пахло молодым острецом и мышиным горошком. В придорожных кустах заливались щеглы и синицы, звонко куковали беспокойные кукушки. По дороге ехали с пашни Улыбины. Помахивая сероватым кнутом на потного Сивача, сутулился на облучке телеги Северьян, туго подпоясанный черным тиковым кушаком. На кушаке у него болтался в берестяных ножнах широкий нож с костяной рукояткой. Солнце золотило его широкополую соломенную шляпу, из-под которой торчал тронутый сединой клочок волос.

За пыльной телегой, шумно и мерно вздыхая, скрипели ярмом быки, легко тащившие поставленный на подсошники плуг с начищенными до сияния лемехами. На чапыгах плуга из порожних мешков устроил себе сиденье курносый Ганька. Подражая глухому баску отца, он старательно покрикивал на быков. Немного поодаль в надвинутой на самые брови фуражке ехал верхом Роман с дробовиком за плечами. Мошкара, подобно дымку, вилась над его головой, тонко и нежно звеня.

Полноводная пенистая Драгоценка у брода весело шумела, подмывая высокий левый берег. На берегу сидел Никула Лопатин. Охалка свеженарезанного лыка лежала возле него. Он посасывал трубку и сплевывал в воду.

— Здорово, — приветствовал его Северьян.

— Здорова у попа корова, — оскалил Никула зубы. — Помоги, паря, моему горю, перевези на тот берег. Оно можно бы и вброд, да ног мне нынче мочить невозможно. У меня ревматизма, а с ней, елки-палки, шутки плохие. Не поберегся я нынче, и так она меня скрутила, что хоть Лазаря пой. Намедни...

— Садись, — оборвал его Северьян. — На эту-то сторону как попал?

— Через плотину, у Епихиной мельницы. Переходить там способно, да ведь это, елки-палки, у черта на куличках, а мне недосуг.

Не успев еще сесть как следует, запыхавшийся Никула снова зачистил:

— Теперь, паря, у нас дела пойдут.

— Какие дела?

— А с лагерем. Атаман отдела заявил, что лучше наших мест и искать нечего. Наедет к нам скоро народу тыщи две, а то и все четыре. Словом, елки-палки, знай держись.

— Радости мало.

— Ну и сказал же... Голова садовая, лагерь-то строить надо. Заработки теперь у нас будут.

— Век бы их не было, этих заработков. Зря ты до поры до времени радуешься.

— Да я не радуюсь, а так, к слову. Трогай, что ли...

— Ромку надо подождать: быков на поводу перегонять будем, они у меня, холеры, капризные.

Роман взял концы волосяных налыгачей, надетых на бычьи рога, намотал их вокруг руки и стал тянуть упирающихся быков в реку. Сзади на них покрикивал Ганька. Покапризничав, быки шагнули в воду и, припадая к ней на ходу, перебрались за Романом на правый берег. Вслед за ними переехали и Северьян с Никулой.

Никула слез с телеги, взвалил на плечи золотистое лыко и заковылял по заполью к своей избе, крикнув на прощанье:

— Бывайте здоровы!

Роман свернул с дороги в кусты, пониже брода.

— Ты это куда? — спросил отец.

— Искупаться хочу.

— Да кто же сейчас купается? В момент простуду схватишь.

— Ничего, я только раз нырну. Вы поезжайте, я догоню вас.

— Ты только в омут-то не лезь, там при такой воде живо закрутит!

— Ладно!

Роман разделся и, подрагивая, забрел в речку. Розовая от заката вода смутно отражала его, то неправдоподобно удлинняя, то делая совсем коротким, похожим на камень-голяк. Пузырчатая серебристая пена кружилась в непроглядно черной воронке омута под дальним берегом. Обломок берестяного туеса летал среди пены,

изредка показывая крашеное красное дно. Плыть туда Роман не захотел. Присев три раза по плечи в воду, он умылся и, освеженный, вышел на прибрежный песок.

Подымаясь по проулку в улицу, Роман увидел Дашутку. Она гнала от Драгоценки табунок белоногих телят, помахивая хворостиной. Роман наехал на нее конем:

— Посторонись!

Дашутка вздрогнула и отскочила к плетню.

— Здравствуйте, Дарья Елифановна, — раскланялся он, сняв фуражку.

— Испугал, а потом здороваешься. И откуда ты, чертяка, вывернулся?

— С пашни. А ты тут чего делаешь?

— Цветки рву. Не веришь?.. Ну, как, здорово тебе тогда от Алешки попало?

— Так попало, что Сергей Ильич приезжал на меня жаловаться.

— Смелый — так приходи нынче на завалинку к Марье Поселенке.

— И приду, не побоюсь.

— А мамка пустит?

— Ты лучше у своей спроси, а обо мне не беспокойся. Я в куклы не игрывал.

— Поглядим, как пятки тебе наши парни смажут.

— Как бы им не смазали... Ты куда торопишься?.. Пстой, поговорим.

— Коровы у нас недоены. Дома ругаться будут.

Роман нагнулся, схватил Дашутку за полную смуглую руку, придушенно шепнул:

— Пстой...

— Разве сказать что хочешь? — пристально взглянула Дашутка в опаленное румянцем лицо Романа.

Он рассмеялся:

— Дай подумать. Может, и скажу...

— Ну, так думай, а мне некогда, — вырвалась от него Дашутка и легко перескочила через скрипучий невысокий плетень.

Алый платок ее промелькнул в козулинском огороде и скрылся за углом повести. Роман поглядел ей вслед, гикнул на Гнедого и поскакал, счастливый, по улице. Горячая радость переполняла его.

Дома уже садились за ужин. Мать в красной ситцевой кофточке ставила на стол щи и кашу в зеленых муравленых мисках. Отец встретил Романа выговором:

— Пошто наметом летел? Волки за тобой гнались? Доберусь я как-нибудь до тебя... Ешь давай да иди коням сечку делать.

Когда Роман, покончив с делами, вышел на улицу, теплая июньская ночь легла уже на поселок. На молодой месяц, стоявший прямо над улицей, изредка наплывали легкие опаловые облачка. Немолчно баюкала прибрежные кусты Драгоценка, лениво перекликались собаки, да вскрикивали спросонья по темным нашестам куры.

Напротив, в окне у Мирсановых, тускло светился огонек ночника. «Позову Данилку», — решил Роман и трижды свистнул условленным свистом. Данилка не отозвался. Тогда он подошел к окну, тихо постучал в крестовину рамы.

— Кого тебе, полунощник, надо? — распахнув окно, спросила Данилкина мать Маланья, Романова крестная.

— Данилка дома?

— Дома, да только спит давно. Ужинать даже не стал, так умыкался за день. А куда тебе его?

— Да надо.

— Не добудиться его, иди уж один, — сказала Маланья и захлопнула окно.

Роман постоял, переминаясь с ноги на ногу, решая, идти или нет. «Была не была — пойду. Волков бояться — в лес не ходить», — и он размашистым шагом направился вверх по улице.

На лавочке у ограды Платона Волокитина сидели верховские парни. Не узнав Романа, они окликнули его:

— Кто это?

По голосу Роман узнал Федотку Муратова. От этого голоса сразу заползали по спине мурашки. «Вот влип», — подумал он, но прошел, не прибавив шага. Федотка пустил ему вдогонку:

— Женатик какой-то. Отвечать, сука, не хочет. Лень подыматься, а то бы мы...

На плетневой завалинке Марьи Поселенки, смутно белея, сидели верховские девки. Парней возле них не было. Девки пели, Агапка Лопатина сильным грудным голосом заводила:

*Укатись, мое колечко,
Под крылечко...*

И десяток высоких девических голосов подхватывал:

*Укатись, мое витое,
Под крутое...*

Роман подошел, негромко поздоровался.

— Да это никак Ромаха? — удивилась Агапка. — Каким ветром тебя занесло? — И сама толкнула в бок Дашутку.

— На песню поманило.

— И не побоялся?

— Не из трусливых.

— Пока Федотки поблизости нет, — сказала Дашутка и громко засмеялась.

Агапка напустилась на нее:

— Подвинься-ка лучше, чем измываться. Садись, Ромаха, с нами рядком да потолкуем ладком.

Роман втиснулся меж ними. Незаметно нащупав Дашуткину руку, крепко пожал ее. Дашутка на пожатие не ответила, но и руки не вырвала. Прижимаясь к Роману, Агапка спросила:

— Петь с нами будешь?

— Буду. Давай заводи, — согласился Роман, а сам, взволнованный и счастливый, то пожимал, то ласково гладил покорную Дашуткину руку. Пока Агапка спрашивала у девок, какую песню заводить, он шепнул, прикоснувшись к жаркому маленькому уху Дашутки: — Пойдем куда-нибудь?

— Подожди, — почти беззвучно шепнула Дашутка.

Дружно запели девки протяжную песню. Серебряными бубенчиками звенели нежные девичьи голоса, далеко-далеко летела песня в синюю ночь, к расплывчатым очертаниям хмурых сопок, к желтоватому мутному месяцу. Пела Дашутка, пел Роман, вплетая свои голоса в согласный и сильный поток других голосов. Вдруг Дашутка вздрогнула и замолчала. Потом тревожно шепнула Роману:

— Уходи скорей. Парни идут.

— А ты? Пойдем вместе.

— Иди, иди... Подождешь меня у нашей ограды. Я скоро.

Роман незаметно юркнул в тень от заплота. Вдоль заплотов, от дома к дому, дошел до ограды Козулиных и притаился у калитки. Мимо него гурьбой протопали верховские, горланы на весь поселок.

Дашутка пришла запыхавшаяся, взволнованная.

— Насилу вырвалась от Алешки. Привязался, постылый, и не пускает.

У Романа радостно встрепенулось сердце: «Постылый, а кто же милый?» Ему захотелось сказать ей нежное слово, но вместо этого он совсем некстати бухнул:

— Где сядем-то?

— А тебе кто сказал, что я сидеть с тобой буду?

Он увидел, как в бледном месячном свете полыхнули глаза Дашутки, темные-темные, и надменно выгнулись над переносьем тонкие брови.

— Да ты хоть недолго... — попросил он.

Дашутка взялась за кольцо калитки.

— В другой раз... Утром мне подыматься чуть свет.

У него сокрушенно сорвалось:

— А я думал...

— Скажи, если не секрет, о чем думал? — придвинулась к нему Дашутка; по губам ее бегала улыбка, руки теребили полушалок.

— Давай сядем, тогда скажу.

— Не обманешь?

— Нет, — судорожно выдавил он и тихо, но решительно привлек ее к себе. — Пойдем.

Они уселись на лавочке возле калитки. Старый развесистый тополь протяжно и тихо лопотал над ними.

— Ну, говори...

Закинув голову, она глядела ему в лицо, напряженно ждала, до боли прикусив губы. Совсем по-другому он ощущал в этот миг ее близость. Бурно вздохнув, Роман решил:

— Люба ты мне, вот что, — выпалил он и припал губами к пахнущей ландышевым цветом ее щеке.

Дашутка не оттолкнула его.

Круглые опаловые тучки набегали на месяц, клубилась настоящая на травах теплая мгла, дремотно покачивался и баюкал их тихой песенкой старый тополь. Они не слышали, как, предвещая грядущий день, дохнул из туманных низин прохладой ветерок-раностав, как неуверенно крикнул неподалеку первый петух и смолк, прислушиваясь. Где-то на Подгорной улице бойко ответил ему другой, сразу же заглушенный пронзительным голосом третьего, и скоро заревой переклик петухов закипел по всему поселку. Короткая ночь прошла. Смутно обозначались крыши домов, деревья, заплоты. Дашутка опомнилась первой, испуганно ойкнув, сказала:

— Пусти... совсем светло. Увидят нас с тобой — житья потом не дадут.

— И правда светло, — удивился Роман. — Ну, поцелуй еще раз на прощанье...

— Хватит... Рома... — Она бесшумно растворила калитку и уже из ограды сказала: — Иди, иди. Увидят ведь.

— Где теперь встретимся?

Дашутка рассмеялась:

— Была бы охота, а место найдется. Да иди же, не торчи тут, окаянный...

Роман отвернулся, пошел. Тогда она крикнула:

— Постой!

Догнав, порывисто обвила она руками крепкую шею Романа, поцеловала его прямо в губы и, не оглядываясь, побежала в ограду.